

Наталья Васильевна Щерба

Цветы, желания и домино

Волшебная серия –

предоставлено правообладателем <http://litres.ru>

Наталья Щерба

Цветы, желания и домино

...Пруд открылся как-то сразу, неожиданно: Олег раздвинул очередные ветки орешника и увидел вдали зеленоватое мерцание, – потянуло болотом и какой-то чудной свежестью – острой, тягучей, сладковатой.

– Вот это место, – прошептал Юрка, тараща глаза, – смотри, как красиво...

Он указал рукой на зацветшую гладь пруда, сплошь укрытую большими ярко-зелёными листьями, между которыми кое-где выступали земляные кочки.

– Это просто болото, – уверенно заявил Олег. – Листья, конечно, имеются. Но где же цветки?

– Откуда я знаю? – Юрка раздражённо передёрнул плечами, – говорили, что только тут растут.

– Может, не тот пруд? – предположил Олег. Надо сказать, он не очень-то одобрял экспедицию в эту часть леса, тем более, ребята из художественной группы затевали вечеринку – девчонки с первых курсов обещали заглянуть.

– Ну, давай палкой потыкаем, – неуверенно протянул Юрка, – может, они под водой цветут?

– Ну да, – ухмыльнулся Олег, протягивая палку – кривоватую, уж какая нашлась по дороге, – в такой тине лишь жабы цвести могут.

Юрка, тем не менее, запрыгнул на самую близкую кочку и, балансируя, погрузил палку в воду почти наполовину.

– Дно есть, – сообщил он, – довольно-таки твёрдое...

– Поплавать решили? – раздался позади насмешливый голос. – Не советую.

Ребята тот час же обернулись, как один, и увидели девчонку.

Лет пятнадцати-шестнадцати, в простых потрёпанных джинсах и широкой блузке с глубоким вырезом; по краю выреза тянулось затейливо вышитое переплетение красных и чёрных крестов, – и почему-то рисунок произвёл сильное впечатление на Олега.

– Ты кто? – первым опомнился он, не сводя глаз с крестов на её груди.

– Марьяна, – сразу же ответила девчонка и вдруг подмигнула, – для своих можно Марьяшка.

– Ну и что здесь забыла, Марьяшка? – зло кинул Юрка. – Вали дальше, куда шагала.

Олег понимал его – такую длинную дорогу проделали, а кувшинок никаких нет. Зря шли, выходит, но девчонка-то при чём? Тем более, симпатичная: тёмные волосы ниже спины опускаются, да и глаза такие... хитрые, властные, с огоньком.

А глаза-то эти как раз и сузились от обиды, улыбка погасла, девчонка нахмурилась.

– Не обращай на Юрку внимания, он злится, что кувшинки для своей Олеськи не достал, – пояснил Олег. – Понимаешь, завтра же Ивана Купала...

– Сегодня! – с жаром воскликнула девчонка, – сегодня, сегодня, Купала! – и судорожно вздохнула.

– Ну, сегодня, – удивился Олег, слегка раздражённый, что его так резко перебили, – и вот, представляешь, какой девчонке сюрприз, если бы Юрка кувшинку ей преподнёс! В такой праздник – и такой чудесный цветок... Почти волшебный. Это ж вроде как папоротник найти, в такую ночь.

– Ха-ха-ха, – рассмеялась девчонка, – как папоротник, ха-ха, рассмешил!

Ребята переглянулись. Юрка поднёс палец к виску, – мол, чего-то с девчонкой не то, явно.

– Что смешного, Марьяша? – стараясь говорить спокойно, спросил Олег. Девчонка уловила настроение, перестала хохотать.

– Да, смешного мало, – проговорила как-то тоскливо, и подняла глаза – туда, где в просветах между деревьев виднелся кусочек темнеющего неба.

– Так может, сразу бы – папоротник поискали? – продолжила она через некоторое время, – всё равно ищите, не знаячи, – и опять заулыбалась во весь рот.

– Иди-ка, ты, Марьяша, – разозлено прошипел Юрка, но девчонка вдруг схватила его за руку.

– Кувшинки распускаются ночью, вот дурачок, – сказала игриво и, хитро улыбнувшись, добавила: – когда высокая луна освещает весь пруд.

– Это невозможно, – Олег подошёл почти к самой кромке водяной жижи, и его ноги в кроссовках погрузили в болотистой земле почти по щиколотки, – ух, вляпался...

– Осторожно, – вкрадчиво и как-то зло проговорила Марьяша, – можно и завязнуть, не асфальт.

Олег вздрогнул: эти новые интонации в голосе девчонки неприятно удивили его.

– Скажи, если твои чудо-цветы распустятся, – обратился он к Юрке, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, – как ты собираешься доставать их?

Юрка передёрнул плечами и вдруг с надеждой поглядел на Марьяшу.

– Надо шест из орешника вырубить, – снисходительно произнесла девчонка, и, как ни в чём не бывало, вытащила из-за пазухи небольшой охотничий нож, повернулась спиной и углубилась в кустарник, лишь захрустели ветки под ногами.

Вскоре Марьяша вернулась, таща за собой небольшое деревцо. Девчонка, отвергнув помощь, уселась на старую корягу, не очень трухлявую, и принялась сама очищать будущий шест от веток. Ребята, переглянувшись, просто уселись рядом. Юрка вытащил из рюкзака бутерброды, термос с чаем. Марьяша от еды и чая отказалась, просто продолжала заниматься своим делом.

Олег с Юркой быстро сжевали бутерброды и, разлёгшись на травке, вяло разговаривали, изредка поглядывая на пруд. Водные обитатели свыклись с присутствием чужаков: болото привычно оглашалось кваканьем, стрекотанием, жужжанием, загадочными всплесками.

Ближе к ночи запели комары над ухом, но почему-то не кусали. Олег, немного разомлевший, сонно прикидывал, что если в это болото действительно добавить кувшинок, неплохой бы вышел пейзаж. Они с Юркой три курса как являлись студентами художественного училища, и приехали в горы на практику целой группой из двадцати человек: рисовать, отдыхать, наслаждаться природными видами, – так что в пейзажах он немного разбирался.

Особенно понравился Олегу камень, возвышавшийся посередине пруда, где имелось больше всего широких листьев: только босоногой Алёнушки на валуне не хватало. Олег скосил глаза на Марьяшкины ноги и вдруг заметил, что девчонка босиком. Странно, неужели она так и шла всю дорогу?!

Марьяшка почувствовала, что он на неё смотрит, подняла взгляд; руки продолжали неумолимо вытёсывать шест.

«А ведь она чертовски симпатичная, – внезапно подумал Олег, – только что роста маленького да и худая больно. Но волосы красивые, и глаза...»

– Марьяш... хочешь, я для тебя кувшинку сорву? – неожиданно предложил Олег. Вышло у него как-то развязно, почти издевательски, но девушка ответила вполне серьезно:

– Я другие цветы люблю, красные.

Юрка хмыкнул. Олег покраснел и мысленно выругался.

– А вот от папоротника не отказалась бы... – продолжила девчонка, и непонятно было – шутит или нет. – Сорвёшь для меня?

Тёмные, широкие зрачки вдруг замерли неподвижно и уставились в самую душу.

– Сорву, – нагло заявил Олег, подчиняясь жаркому взгляду, – если, хм... найду.

– Найдёшь, куда денешься? – Марьяшка не сводила чёрных глаз, – всё, что захочешь исполню, если отдашь мне папоротник.

Глаза её вдруг как-то странно приблизились, превратившись в два бездонных озера, и Олегу вдруг стало как-то сладко и страшно одновременно: показалось, будто тонет он в воде, а его за голову держат и не отпускают... И тогда почувствовал прикосновение тёплых губ и страх отступил.

– Всё, что захочешь, сделаю... – прошептали эти губы, отстраняясь.

– Всё? – переспросил Олег слабым голосом.

– Всё, всё, всё...

– Темнеет, ребята, – сказала Марьяшка ровным голосом, словно и не целовала парня только что, и её красивые, чуть припухлые губы сложились в усмешку, – посмотрим, какие вы храбрые.

Как только произнесла, так сразу будто ещё темнее стало, но тут же показалась луна в небе и как-то резко, словно пугливый мячик – прыгнула на самую высоту.

Юрка уныло оглянулся. Олегу стало неловко перед другом за проявленную слабость: целуется с какой-то незнакомкой, поддался соблазнительнице.

– Ладно, – Олег решительно встал и, стараясь не встречаться взглядом ни с Марьяшкой, ни с Юркой, неопределенно махнул рукой:

– Ну, кувшинок нет, пора домой...

– Смотри, – прошептал вдруг Юрка, широко раскрывая глаза, – вон там...

На самой середине пруда, между зелёных лапчатых листьев, покачивалась на водной глади кувшинка. Цветок только раскрывался, прямо на глазах разворачивались белые лепестки. Зрелище было жутким и восхитительным одновременно; сознание боролось с потусторонним явлением, глаза отказывались верить. Но факт имелся, и даже молочный лунный свет не мог прикрыть действительного чуда: кувшинка расцвела, причём за несколько секунд, вопреки всем законам природы.

– Она что, прямо так и выросла? – пролепетал Олег, обращаясь к Юрке, но тот не слушал – не сводил с волшебного цветка глаз. Подоспевшая Марьяшка ловко подала парню ореховый шест – ровный, гладкий. Юрка молча принял его и, примерившись, легко запрыгнул с ним на первую кочку. Островки располагались на пути зигзагом: до возжеленной кувшинки имелось около десяти метров, а по прямой так и вовсе – не более четырёх.

– Эй, ты там поаккуратней, – крикнул Олег, глядя, как Юрка погружает шест в воду и лихо перескакивает на следующий холмик, едва виднеющийся среди зелёных листьев.

Кувшинка, покачиваясь, ждала.

– Плохо...

Юрка вздрогнул: это прошептала Марьяшка, про которую он позабыл на миг.

– Сейчас нельзя кувшинки срывать... Сегодня праздник совсем других цветов.

– Почему ж сразу не сказала?!

– А зачем? Судьбу не изменишь, не поворишь... за редким исключением.

– Слушай, перестань так говорить! – рассердился Олег, продолжая напряжённо следить за другом.

– Как так?

– Загадочно... Ты что не видишь, я переживаю за Юрку!

– А я никогда не переживаю, – хмыкнула Марьяшка, – тому, кто знает наперёд, незачем нервничать, ага. И тебе не советую. Лучше соберись: вдруг за себя придётся переживать, ага?

Олегу эти «ага» совсем не понравились, – кажется, девчонка действительно странновата, но главное – на душе сделалось как-то беспокойно, совсем не по себе: показалось, что между тёмными силуэтами деревьев что-то промелькнуло, чья-то тень или

тени... Он почувствовал, как по спине побежали мурашки.

– Юрка... – тихо позвал он, но друг не ответил – уже забирался на очередную крепкую кочку: шест тихо опускался в чёрную воду с неприятным бульканьем, помогая перенестись на спасительный кусочек земли.

Олег, замерев, следил за каждым движением. Вот Юрка поднимает шест, тыкает острием в очередной холмик земли, проверяя, выдержит ли кочка его вес... Длинный шест тяжело опускается в воду, словно разделяя её на две желеобразные части. Юрка делает прыжок, но поскальзывается... и шест, прогибаясь, замирает на половине дороги, а сам Юрка, отчаянно цепляясь, висит на верхнем конце палки.

– Олег?!

– Юрка... – расширенными от ужаса глазами Олег смотрит, как шест, раскачиваясь, резко накрывается в сторону и падает плашмя, увлекая за собой Юрку в образовавшуюся пропасть – гулко всплескивает вода. На мгновение Юрка выныривает, показывается на поверхности, нелепо взмахивает руками, но тут же исчезает, оставляя широкие круги на водяной глади.

Олег, застыв на месте, напряжённо вглядывается в то место, где секунду назад ещё была Юркина голова.

Тихо – ни звука, лишь доносилось до слуха неприятное глухое бульканье.

Не может быть... Он заснул под деревом, видит страшный сон.

– Марьяш, что же делать? – выкрикнул жалобно, отгоняя малодушное наваждение, – надо вытащить Юрку, как же это... Марьяша?

Но ему не ответили: никого рядом не было.

Ну, конечно! Марьяшка сильно испугалась и убежала. Олег взвыл от отчаяния: что, что, что... Что ему делать?!

И Олег совершил ужасное: развернулся и бросился бежать.

Но сразу же споткнулся о выступающий корень и упал, уткнувшись лицом в мягкий мох.

Наверное, он пролежал так минут пять, а может, и больше, пока не услышал тихое, приглушённое пение. Казалось, звуки просачиваются отовсюду: будто певцы прятались за каждым деревом.

Олег осторожно приподнялся на локтях и тут же вскрикнул от ужаса.

Тысячи глаз, не мигая, уставились на него: страшные зелёные очи неведомых чудищ.

Ему понадобилось несколько минут, прежде чем он осознал, что эти огоньки – всего лишь светящиеся в темноте гнилушки. Такие себе полутрухлявые куски дерева, что после дождя испускают зеленоватое свечение. Но дождя-то не было...

А призрачных огоньков становилось всё больше. Внезапно Олег понял, что скопления «гнилушек» образуют весьма последовательную цепь, вернее, две цепи, идущие параллельно, исчезающие где-то там, в лесной темноте: будто кто мазнул дорогу чёрным меж зелёных звёзд.

И тут раздался вкрадчивый, будто из сна, полузабытый голос:

– Олег.

Марьяшин голос?

– Ты что, забыл обещание? – прошептали в ухо еле слышно. – Принесёшь мне алый цветок, принесёшь папоротник – исполню всё, что пожелаешь!

– Ничего мне от тебя не надо, развратница! – отчаянно крикнул, озираясь.

Хмыкнули в темноте, и продолжили:

– Иди по дороге, слушай счёт. Как скажут – клек! – срывай, не медли... И помни – любое желание, самое непростое. Одно только знай – если желание будет неискреннее, не пропустит тебя крестовая решётка, ага.

– Юрка утонул! – взвыл, почти не слушая, не соображая. – Не спас его...

– Вот и спасёшь, дурачок, – ответили и добавили:

– Слушай счёт.

Внизу слышались странные, шелестящие звуки: как будто тысячи ног ворошили сухие листья, топтали мох, перебирались через коряги и ветки.

...Под ногами переливались ящерицы. Их скользкие тельца были покрыты голубой шкуркой, светящейся в темноте и было их так много, что увернуться от них представлялось невозможным: все они двигались вперёд, куда уходила призрачная зелёная дорога в обрамлении гнилушек-фонарей.

– Одион!

И Олег кинулся за ящерицами.

– Другиан!

И он ускорил шаг, убегая от страшного голоса.

– Тройчан, черичан, поддон!

– Куда ж так спешишь! – крикнул – не выдержал.

Станным образом включился он в игру – принял всерьёз дурацкий счёт. Ведь как бывает: поверил, взял за истину и всё – назад дороги нет... Ты поверил в это, другой, третий и вот – оно уже реально и, казалось, правдивее быть не может. Ящерицы бегут, и он с ними, потому как вдруг они знают, куда? Вон, какой оравой бегут, – наверняка знают...

Так думал Олег и мчался в скользкой, переливающейся массе, плавно обтекающей ноги – никто из хвостатых не попадался ему под шаг, и это тоже было странно.

Дорога пошла в гору, лес расступился, и открылось удивительное зрелище: тысячи красных крестов вспыхнули в темноте, как будто перед самым лицом, и задышали жарко ярким пламенем, но вот странно – ящерицы спешили прямо туда. Кресты складывались в строгий, геометрический узор – на ровные чёрные и красные, и переплетались, слагаясь в отвесную стену, казавшуюся воротами в ад.

– Лодон... – прошелестело над ухом. – Не останавливайся, иначе погибнешь!

– Там же стена?! – прокричал Олег, с диким ужасом осознавая, что стена из крестов действительно, на самом деле приближается, и очень быстро, но шаг не замедлил – не мог. Подумалось, что бежит, словно животное от пожара, только наоборот...

Щёки опалило, плечи, руки – скинул на ходу рубашку, – стало невыносимо горячо.

– Сукман!

– А чтоб вас... – выругался неизвестно на кого Олег и прибавил шагу. Бежал так быстро, словно мерил стометровку на рекорд, – стена опасно приближалась. Становилось всё жарче и кресты, страшные кресты быстро увеличивались в размерах.

– Дукман! Левурда! Дыкса!

– Не-е-ет! – взревел и прибавил скорость.

Заметил, что перед самыми крестами ящерицы оббегали пылающую стену, разделяясь на два потока – огибали страшное препятствие.

– Беги сквозь стену, иначе погибнешь! – затрепетало на ветру. – Ну же!

– Нет, не могу, – прошептал, но шагу не сбавил.

– Если хочешь друга спасти – беги!

– Юрка утонул, – выдохнул на ходу.

– Всё, что во времени течёт – всё изменить можно...

– А-а-а-а!!! – заорал и ринулся сквозь стену, закрываясь руками от слепящего пылающего жара. Осознал потом, что летит вниз, вцепившись в железную решётку, будто в какой-то колодец ухнул, а снизу – яркий алый свет. И вдруг дошло до него, что алые кресты – то просветы в стене-решётке были...

А дно приближалось.

– Одино...

– Попино...

– Двикикиры...

– Хайнам.

Сердце разрывалось от напряжения, рвалось из груди, стремясь убежать от глупого

неразумного хозяина, подвергавшего своё тело безрассудному смертельному риску, но сознание сдалось первым – кануло в черноту.

...Сколько пролежал – непонятно. Может – тысячу лет, а может – только на миг прикрыл глаза.

Не было ощущения времени.

– Дайнам, – шепнули в ухо, и сразу же открыл глаза. Казалось, страшный счёт вливал в него жуткие, странные силы, заставляя принимать реальность как должное, не сойти с ума. Мозг отказывался верить глазам, когда эти глаза сообщили, что видят красивый удивительный цветок.

Мерцающий алый бутон на тоненьком дрожащем, словно ниточка, стебельке.

– Спелось.

И он сделал шаг.

– Сподалось.

Было очень тихо, уши как будто заложило ватой, и счёт приходил откуда-то издалека, из-за пределов этого маленького уютного мирка, где вырос диковинный цветок, где казалось, само время замедлилось, сгустилось и текло под ногами густым киселём.

– Рыбчин.

Бутон был вытянутым, спиралевидным, и ещё только-только раскрывался. Олег глянул в середину и уже не мог оторвать глаз: ему показалось, что внутри, в чёрном ядре цветка, растёт и поднимается та самая, неведомая тайна миротворения, самое начало всего сущего, первая единица, выделившаяся из Хаоса... И ещё какие-то странные, лихорадочные мысли приходили ему в голову. Он дивился им и страшился их, не понимал и принимал: это было приятное, дивное ощущение – чувство жуткого, дикого восторга и причастности к Великой Тайне.

Дыбчин... – прошипели предостерегающе в ухо и рука, вперёд разума осознав, что требуется, потянула на себя тоненький прозрачный стебель.

– Клек!

– Справился.

Олег мотнул головой и увидел перед собой два знакомых бездонных озера.

Марьяша, не отрываясь, смотрела на цветок.

– Ты знаешь, что это? – прошептала девчонка, не сводя глаз с волшебного растения.

– Не знаю, но мне кажется...

– Это целый мир. У тебя в руках большой, новый мир. Ты можешь оставить его себе, ага... Стать Богом.

– Что, вот так просто? Сорвал аленький цветочек и получил целый мир?

Марьяшка вдруг хихикнула.

– Не так-то просто загадать искреннее желание... Когда-то я пожелала владеть целым миром, но такое желание не может быть до конца чистым. Надо принести жертву.

– Юрка?... – расширились у Олега глаза.

Марьяшка покачала головой.

– Нет, себя. Для исполнения любого, даже самого маленького желания, надо иметь причины – что-то, что можно отдать взамен. Чем больше желаешь взять, тем большее надо отдать.

– Что же ты можешь предложить за целый мир? – нервно усмехнулся Олег, прижимая цветок к груди.

– Время, – улыбнулась Марьяшка. – Я знаю, по каким ходам оно перемещается. Это очень дорогой секрет. Я разгадывала его... долго. Очень долго. Когда я повстречала тебя и твоего друга – наши крестовины сошлись в один узел. Тогда я прошла по твоему ходу и увидела, как Юрка утонул в болоте. А ещё – что ты можешь найти папоротник и сумеешь отдать его... мне. Я искала такого, как ты, очень долго... Теперь я могу обменять секрет

Времени на новый мир. А ты – обменять новый мир на жизнь друга.

– Ну да, – усмехнулся, было, Олег и вдруг поверил.

– Да мне то, собственно, что до твоих секретов?! – неожиданно выкрикнул он, руки его задрожали:

– Ты знала, что Юрка погибнет! Знала и позволила...

– Я лишь знаю, как изменяется время, но не могу над ним властвовать, – пожала плечами девчонка. – Но если ты сможешь отдать мне цветок, я проведу тебя по тайному ходу – прокручу твою крестовину – задержу фрагменты и переставлю их, вот и всё.

Марьяшка не удержалась и довольно хихикнула.

Олег ничего не понял из того, что она говорила.

– Что за крестовина такая?

– У каждого есть Крест – судьба, если по-простому, – охотно пояснила девчонка. – Она складывается из кусочков – фрагментов, как длинная винтовая лестница... У тебя лестница, у меня, у каждого... Иногда пути-лестницы пересекаются в крестовинах – люди встречаются и вновь расстаются. Пути, выстроенные из костяшек домино.

– Какое к чёрту, домино?!

– Тише! – недовольно цыкнула девчонка, хмурясь. – Здесь нельзя шуметь.

– А где мы?

– В колодце времени... Долго объяснять, да и не надобно тебе. А про домино послушай. Представь, что у каждого человека своя дорога-лестница, выложенная из пластинок домино – в особенную, замысловатую линию. Тронул пальцем, родился – и начало падать всё строение, пошла судьба по накатанному пути... По крестовинам разным, по чужим лестницам. Хотя всегда по своей лестнице шагаешь, просто иногда с кем-то по пути, а с кем-то – нет... Так вот, эти костяшки завсегда перетасовать можно, понял?

– Кое-что, – уклончиво сказал Олег.

– Я наперёд знала, что ты сможешь найти алый папоротник, потому как искренне желаешь спасти друга. Ты – Юрка, Я – Папороть, мы на одной крестовине, понимаешь? Наши костяшки домино пересеклись.

Олег недоумённо мотнул головой и, не сдержавшись, выпалил:

– Я хочу знать, действительно ли ты можешь спасти Юрку, а ты мне про домино! Цветок мне этот совсем не нужен...

– Сначала испытай его силу, – перебила девчонка. – Ты должен отдать его добровольно, иначе – не имеет смысла.

Олег непонимающе взглянул на девчонку. И вдруг, повинуясь какому-то порыву, поднёс цветок к самым глазам.

...В лицо подул свежий ветер, промелькнули внизу горы, щёку тронули пушистые васильки, рука сжала пшеничный колос, зачерпнула пригоршню родниковой воды, погладила шелковистую спину оленя. Нога ощутила под пятой нагретый солнцем камень, ступила на лесной мох, ноздри вдохнули пряный аромат цветов, губы ощутили вкус мёда и яблок, глаза увидели синеву неба, лёгкое крыло бабочки... и белизну цветка, покачивающегося среди широких зелёных листьев.

И эта белизна пугающе ворвалась в добрый, спокойный мир, и протянула к новому властелину тонкие призрачные руки.

– Юрка.

Олег с силой оторвал взгляд от волшебного цветка, взглянул на Марьяшку.

– Юрка, Юрка, – улыбнулась Марьяшка и протянула руку за цветком.

Отдал.

Вспомнил, что обещал, и вспомнил кувшинку в страшном лунном свете.

– Я знала, что отдашь, – прошептала Марьяшка, – у каждого своё: кто-то хочет целый мир, кто-то – вернуть жизнь другу.

– Ты можешь воскресить его? – спросил Олег с надеждой.

Марьяшка взглянула поверх алых лепестков:

– Нет.

– Но ты же обещала!

– Кто умер – того не поднять.

Марьяшка прижала цветок к груди и Олег вдруг увидел, что она совсем голая. Лишь чудное ожерелье из красных и чёрных крестов обвивалось вокруг шеи, и как-то странно гармонировало с алым цветком.

– А слово сдержу! – девчонка расхохоталась и безумным ликом стала вновь похожа на сумасшедшую.

– Так спасёшь Юрку? – пролепетал Олег, вновь робея перед ней.

– Ты его спасёшь.

Кивнула, будто бы подтверждая, и шагнула вперёд. В больших чёрных глазах вспыхнуло по алому кресту, и у Олега закружилась голова: будто рой разозлённых пчёл накинудся на него, отдаляя от Марьяши, и предстала перед ним нарисованная, размытая акварелью, очень бледная пастораль.

...Пруд открылся как-то сразу, неожиданно: Олег отодвинул очередную ветку орешника и увидел вдали зеленоватое мерцание, – потянуло болотом и какой-то чудной свежестью – острой, тягучей, сладковатой.

– Вот это место, – воскликнул Юрка, тараща глаза, – смотри, как красиво!

Мир качнулся, наполняясь красками и смыслами...

И картинка ожила.